

А.М. Дзумакулов,
А.Ш. Бейбулатов

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
АКТУАЛИЗАЦИИ КУЛАЦКОГО ВОПРОСА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
В КОНЦЕ 20-х гг. XX в.**

Состояние аграрных отношений, которое сложилось на Северном Кавказе на начало XX в., считалось прогрессивным, с учетом его положения в общей экономической структуре государства, поскольку рыночно ориентированные фермерские хозяйства северо-кавказского региона представляли собой более высокую ступень развития по сравнению с натуральным хозяйством, продолжавшим функционировать в традиционной русской деревне. Но в условиях социализма ценности изменились, и получилось так, что аграрные традиции местного населения Северного Кавказа стали нести угрозу существованию советского строя, а, следовательно, в таком состоянии они не могли быть приняты новой властью. Требовалось их кардинальное реформирование и приспособление к новым условиям. Капиталистический способ сельскохозяйственного производства непременно вел к созданию соответствующего слоя его приверженцев, которые рано или поздно превратились бы в серьезную оппозицию. Поэтому кулак воспринимался в качестве представителя чуждого капиталистического мира, носителя враждебной идеологии, хотя и являлся основным производителем хлеба, а ненависть к нему прогрессировала параллельно усилению его влияния в сельском обществе.

Во время действия новой экономической политики большинство коммунистов не задумывалось о хозяйственной стороне вопроса, оно готово было продолжать уничтожение кулаков повсеместно, как делало это во время военного коммунизма и в годы Гражданской войны, но в силу сложившихся обстоятельств вынуждено было придерживаться установок партии, избегать конфронтации и налаживать связи с середняком. Большевики «вводили нэп, зная, что нэп есть оживление капитализма, оживление кулака», поэтому они осуществляли тщательный контроль над его поведением, социальной и хозяйственной трансформацией, дабы не упустить момент расправы как с ненавистным врагом (*Сталин И.В.*, 1954–1955. С. 335).

Необходимо отметить, что политическая нестабильность, проявившаяся в стране после революции и Гражданской войны, сильно изменила соотношение между существовавшими на тот период социальными группами сельского населения. Большое количество кулаков предпочло не испытывать судьбу, лишившись своего имущества в ходе продразверсток, и бежало за границу вместе с остатками белогвардейских формирований. Специалисты советского времени подсчитали, что в начальный период новой экономической политики оставалось лишь около трех процентов крестьянских хозяйств, которые можно было квалифицировать по признакам принадлежности к кулакам. Из этих же источников известно, что до революции такие хозяйства составляли 15%. В целом картина была не такая уж угрожающая для власти, если учесть разбросанность кулаков по территории огромной страны. В то же время озабоченность советского правительства вызывала сильная концентрация кулачества в самых зернопроизводящих районах государства, к которым принадлежал и Северный Кавказ. Чувство нарастающей опасности усиливали потенциальные возможности нэпа способствовать созданию все новых и новых кулацких хозяйств. Поэтому изначально у власти сохранялось ощущение не доведенного до конца акта по раскулачиванию сельских производителей, особенно на окраинах государства.

Благодаря специфическим условиям развития сельского хозяйства в Северо-

Кавказском регионе, процесс возрождения кулачества в годы новой экономической политики здесь происходил очень интенсивно. В среднем число зажиточных крестьян увеличилось к середине 20-х гг. в два с половиной раза, в их распоряжении находилось более 27% всех обрабатываемых земель и третья часть хлебного зерна в качестве конечного продукта производства, пригодного для продажи (Государственный архив Ставропольского края, Л. 57). Это, если не брать во внимание середняков – основной массы сельского населения, уровень достатка которых нередко превышал доходы зажиточной части крестьянства средней полосы России. Но поскольку в стране действовало единое законодательство и применялись директивные методы управления отраслью и одинаковые критерии оценки состояния крестьянских хозяйств, то перспективы северокавказского середняка на длительное сосуществование с властью были весьма зыбкими. Перед ним открывалась реальная возможность быть причисленным к разряду кулаков после очередной кампании по раскулачиванию, которые периодически проводились в регионах, или «попасть под действие соответствующих статей... законодательства» (Андреев А.А., 1928. С. 30).

Либеральное отношение властей к крестьянству заканчивалось, когда правительству на нужды индустриализации срочно требовались дополнительные поставки хлеба и другой сельскохозяйственной продукции. Такие акции являлись не редкостью в первые годы советской власти и практиковались даже в условиях нэпа, когда большинство крестьян, приспособившись к новому налогообложению, добросовестно выполняло свои обязательства перед государством. Тем не менее местные органы власти порой прибегали к применению чрезвычайных мер в реализации программы хлебозаготовок. В 1928 г., например, в Терском округе местная администрация самостоятельно увеличила сельскохозяйственный налог более чем на 50%, а в натуральном выражении – на 186 тыс. рублей (Терек. 1928. 31 июля). На практике это означало, что крестьянин должен был отдать государству ту часть урожая, которую он оставил себе на пропитание, или же остаться на будущий год без семенного зерна. При этом искусственно созданные противники дополнительных хлебозаготовок были привлечены к уголовной ответственности. Аналогичная ситуация повторилась в следующем году, но уже на Ставрополье, в результате чего репрессиям подверглись более тысячи человек, еще столько же лишились части имущества или же заплатили высокие штрафы (Осколков Е., 1973. С. 145).

Такая политика лишь обострила отношения между большевиками и сочувствующими им крестьянами с одной стороны и кулаками – с другой. Положение усугубляло то обстоятельство, что к концу 20-х гг. на Северном Кавказе кулаков можно было разделить на два вида. К первому относились зажиточные крестьяне, оставшиеся с дореволюционного времени, ко второму – соответственно те, которые сумели повысить уровень своего благосостояния за годы действия новой экономической политики. Считалось, что разоренный и униженный кулак представлял собой большую опасность, чем тот, который поднял и наладил свое хозяйство в советское время. По этому поводу очевидцы исследуемых событий отмечали, что «... может быть сейчас у этого крестьянина скота мало и хозяйство небольшое. Но это – раскулаченный кулак, у которого революция обрезала крылья. В политике он даже более свирепый враг революции, чем тот буржуй, что нажил сейчас и пользуется нажитым» (Цит. по: Деревня при нэпе... С. 7).

Правительственная точка зрения базировалась на том, что сельская община является основным тормозом на пути преодоления отсталости деревни. В этом смысле она согласовывалась с мнением видных экономистов, которые, в свою очередь, не скрывали явного склонения аграрного сектора страны в сторону капитализма, отмечая параллельно все нараставшие признаки классового расслоения среди крестьянства. С другой стороны, существовало мнение, что никакой классовой борьбы на селе не происходит и быть не может. На самом деле расслоение сельских тружеников является естественным циклом их исторической и хозяйственной эволюции. По убеж-

дению академика А.В. Чаянова, например, периодически какие-то крестьянские хозяйства слабеют, какие-то крепнут в зависимости от многих внешних и внутренних факторов. Это может быть и соотношение трудоспособных членов семьи и иждивенцев, климатические катаклизмы или простое совпадение соответствующих обстоятельств. Самое главное, по его мнению, что эта ситуация не является постоянной, а потому в ее основе не может лежать эксплуатация одних другими, что являлось главным признаком кулацкого хозяйства (*Solomon S.G., 1977*).

Расхождение мнений по поводу надвигавшейся кулацкой угрозы существовало и в политическом руководстве страны, но, несмотря на это, оно было единодушно в том смысле, что отношение конкретного крестьянина к советской власти определяется главным образом его экономическим состоянием, а значит, так или иначе связано с классовой принадлежностью. Доминирующей являлась точка зрения, что, если крестьянин предприимчив и в силу этого богат, то он не может быть лояльным к советской власти. Поэтому лучшим средством признавался упреждающий удар и тотальный контроль над развитием социальной обстановки в деревне. Вследствие такой постановки вопроса даже в официальных статистических изданиях того времени крестьяне крестьянами никогда не назывались. Они непременно классифицировались на категории бедняков, середняков и кулаков. Последние составляли меньшинство, но у них был солидный резерв в стане середняков, которых насчитывалось порядка 60% от общего количества хозяйств.

Следует отметить, что приведенная классификация крестьянского населения имела под собой достаточно зыбкие юридические основания. Дело в том, что отсутствовали единые критерии основных, часто употреблявшихся понятий: классового расслоения крестьян и эксплуатации наемного труда в индивидуальных хозяйствах на селе. Если они и имелись, то очень быстро изменяли свою содержательную сущность и опровергались жизненной практикой. Например, общепризнанным показателем эксплуатации считалось применение в хозяйстве чужого, т.е. наемного труда. Но в повседневной жизни нередко случалось так, что безлошадный крестьянин-бедняк по своему экономическому положению и определению вынужден был обращаться к богатому соседу за помощью в обработке земли и платил ему за его услугу натуральным продуктом или деньгами. Следовательно, в данном случае он выступал работодателем и использовал наемный труд. В этом случае выходит, что бедняк становится эксплуататором, а кулак – его работником. Таких ситуаций возникало множество, но за время советской власти к новым условиям сумел приспособиться и кулак. Это были, как правило, грамотные люди, хорошо знакомые с действующим законодательством, которые не только знали положения Земельного и Уголовного кодекса не хуже представителей местного правосудия и управления, но и внимательно следили за их изменениями. Вполне возможно, что и по этой причине у советской власти не оставалось других мер, кроме как физического искоренения кулаков.

Классификация крестьян по классовому признаку имела и другую сторону. Она определяла гражданскую позицию, положение в общей социальной структуре и правовой статус, затрагивала многие стороны их жизни и быта. Кулаки наряду с другими «классовыми врагами» лишались избирательных прав, они же постоянно облагались повышенным налогом, ограничивались в социальных правах, лишались возможности получения специального образования и многого другого. Местные сельские советы по указанию сверху постоянно имели наготове списки кулаков по каждому избирательному округу. Примечательно, что списки эти не были постоянными, они регулярно корректировались: фамилии одних людей вносили, других – вычеркивали. Это говорит о том, что каких-либо утвердившихся признаков кулачества не существовало. Они определялись на местах в основном по уровню материального достатка, количеству скота, образу жизни. Беднякам, напротив, была открыта дорога в любое учебное заведение, в общественную организацию, они освобождались от налогов и пользовались всевозможными льготами.

Официальная статистика первого советского десятилетия на Северном Кавказе не свидетельствует о сильном количественном увеличении кулачества в общей структуре сельского населения, тем более не совсем понятны масштабы политических тенденций по этому вопросу. Кулацкая тема к концу 20-х гг. стала едва ли не самой обсуждаемой проблемой на партийном уровне. Эта тенденция значительно усиливалась, пока информация доходила на места, в отдаленные районы. Региональное руководство сильно перестраховывалось, по-своему понимая московские указания. Если, например, в ЦК ВКП (б) в 1927 г. было принято решение об усилении бдительности во время подготовки и проведения выборов в местные Советы, то краевое руководство своим указанием увеличило втрое список лиц, лишенных избирательных прав (См.: *Данилов В.П.*, 1979. С. 309–321). Такое неадекватное обстановке решение вызвало естественную волну протестов среди «лишенцев», которые в ответ организовали ряд провокационных акций в населенных пунктах Ставрополья, в Терском округе и на Кубани (*Осколков Е.*, 1973. С. 145).

В свою очередь власти усилили давление на кулаков экономическими средствами. При проведении очередных земельных разделов им по указанию крайкома партии выделялись самые худшие и удаленные отрезки земли без права организации поселков и хуторов вблизи своих участков. При этом кулаки обязывались соблюдать общепринятый в селе график проведения сельскохозяйственных работ, несогласие с которым грозило им лишением надела. Помимо этого, стал практиковаться выпуск государственных займов на укрепление крестьянского хозяйства. Облигации займа распространялись принудительно в основном среди зажиточных крестьян. К этому времени сбор средств на культурно-хозяйственные нужды стал также использоваться как метод принудительного изъятия денег у крепких хозяев, так как распределение самообложения между крестьянами происходило по классовому принципу.

Напряжение в кулацком вопросе нарастало по мере того, как в центре вызревало решение о кардинальных преобразованиях в аграрном секторе экономики. Кулак признавался в то время основным виновником сельскохозяйственного кризиса. С учетом его наличия на селе руководство страны пошло даже на пересмотр решений о коллективизации, принятых на XVI партийной конференции и съезде Советов в апреле–мае 1929 г. Первоначально предполагалось, что за пять лет примерно 20% крестьянских хозяйств объединятся в товарищества по совместной обработке земли, в которых обобществление коснется исключительно обрабатываемых земель, обслуживаемых тракторными колоннами, без отмены частной собственности и без коллективного владения скотом. Постепенная и ограниченная коллективизация должна была строиться только на добровольном принципе с учетом реальных возможностей государства поставлять технику и готовить квалифицированных специалистов. Однако эти сдержанные и вполне соответствующие реальности планы подверглись корректировке с учетом политического видения проблемы партийным руководством.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреев А.А.*, 1928. Итоги июльского Пленума ЦК ВКП (б). Ростов-на-Дону. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 507. Д. 213.
- Данилов В.П.*, 1979. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М.
- Деревня при нэпе. Кого считать кулаком, кого – тружеником. Что говорят об этом крестьяне? 1924. М.
- Осколков Е.*, 1973. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа. Ростов-на-Дону.
- Сталин И.В.*, 1954–1955. Сочинения. В 12-ти т. Т. 7. М.
- Терек. 1928. 31 июля.
- Solomon S.G.*, 1977. The Soviet Agrarian Debate. Boulder, Colo.